

Михаил Рогачев

Предпоследний свидетель

Как Родина воспитывала горного инженера

Михаил Рогачев

Предпоследний свидетель

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Рогачев М. В.

Предпоследний свидетель / М. В. Рогачев — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Книга адресована инженерам, вступающим в горную профессию. Россия же продолжает жить запасами минеральных ресурсов, открытых отечественными геологами. В государстве воспитывалось достоинство горного сословия, вновь созданное в 1940-1970 гг. Показательным является роман Олега Куваева “Территория”. Съемщик Андрей Гурин в нем размышляет о свидетелях: обидно, говорит он, когда я буду последним авантюристом среди торговцев-приобретателей. Нам следует помнить о поколениях геологов, труд которых составил основу сегодняшнего богатства олигархов, распоряжающихся как своими, кладовыми Отечества.

Михаил РОГАЧЕВ

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

(Как Родина формировала из меня горного инженера)

Посвящаю горным инженерам-геофизикам образца 1970-х-1980-х годов. Тем, кто не сломался. Не изменил профессии. Не покинул Отечество. Посвящаю alma mater.

М.В. Рогачев

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

(Как Родина формировала из меня горного инженера)

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Книга 1

ОМСК-2016

От Автора

Книга предназначена инженерам, вступающим в горную профессию и, своим названием настораживает. Почему не последний свидетель? А это-часть скрытой цитаты. Дело вот в чем: Россия в начале этого века продолжает жить запасами минеральных ресурсов, открытых отечественными геологами в прошлом. Этот тезис следует из того факта, что в стране за последние 30 лет не открыто ни одного нового рудного месторождения.

В период 30-60 х гг 20 века в государстве особо ценились геологические кадры. Достоинство горного сословия, воссозданное в 1940-1970 гг основывалось на воспитании do it yourself («делай сам»), уникальными событиями в жизни страны и мудрыми книгами.

Настольной книгой “мгришников” уже несколько десятилетий является роман Олега Куваева “Территория”. В нем, съемщик Андрей Гурин размышляет о свидетелях: обидно, говорит он, когда я буду последним авантюристом среди захватывающих мир торговцев-приобретателей. В этом смысле, автор романа еще в 50-х гг прошлого века, за 40 лет до сегодняшнего дня, предугадал будущую капитализацию России.

Добавлю, ради исторической справедливости: россам-русичам хорошо бы помнить о поколениях геологов, труд которых составил основу сегодняшнего богатства олигархов, распоряжающихся, как своими, подземными кладовыми Отечества.

К сожалению, ныне торжествуют те, которые паразитируют на накопленном народом общественном богатстве.

Быстрое, по историческим меркам времени, восстановление страны после гражданской войны означало тогда, что двигателем экономики являлась вера в народе в свою идентичность и идеи справедливости. Нужно верить, время охлократии пройдет, и, наше поколение не будет последним свидетелем.

Повесть несет познавательную нагрузку в виде секретов в профессии. Ее две книги сдобрены нетривиальными и анекдотичными ситуациями: полевыми, офисными, методическими, в которые волею профессиональной судьбы попадал автор.

Вторая книга повести нагружена размышлениями, социально-политическими идеями для приспособления молодых инженерных умов к окружающей действительности; повествует о жизни и идеалах предпоследних проспекторов советской Атлантиды. Я надеюсь, наши традиции не останутся в прошлом, пока жива память о советской геологии. 28 учебных заведений страны все еще продолжают готовить инженеров геофизического профиля.

© Рогачев М.В., 2016, mrogachev_53@mail.ru

*...материалы и сведения,
которыми располагаю лично я,
никакого вреда людям и организациям,
где я работал, принести не смогут.*
от Стругацких

Вместо приветственного вступления

Если в Северной Америке оперируют нарочито смешными законами Паркинсона, Мэрфи, то в России, за ее более чем тысячелетнюю историю, выкристаллизовались пословицы, поговорки и народ использует их, как последнюю истину.

Перефразирую, как “черномырдинку”, известную поговорку: как вступим, так в какую-нибудь субстанцию. И так, начинаю.

Меня зовут Михаил Рогачев. Мне 63 года. Свою жизнь в профессии я делю на три периода:

- в нефтяной сейсморазведке (первые 13 лет, 1971-1984 гг) системы Мингео СССР,
- электрометрия и ЭХЗ, каротаж ГК, НК и ГК в Газовой промышленности (17 лет, 1984-2001 гг),
- в инжиниринге (2001-20015 гг).

При этом, по современной реестровой классификации Минтруда и по “корочкам”, меня можно назвать:

- специалист по поиску и разведке МПИ, – 13 лет практической работы
- специалист по буровзрывным работам, – 5,5 года практики
- специалист по ядерной и радиационной безопасности, – 6 лет практической работы
- специалист в области проектно-изыскательской деятельности – 21 год.

Потребность описать становление инженера с учетом, как было тогда, при советском укладе и чем отличается инженерный труд сегодня, обычно возникает на переломах в обществе.

Моя потребность связана с простой мыслью: донести до молодых геофизиков личный взгляд на формирование инженерного творчества и, попутно, через разницу “тогда и сейчас”, попробовать оценить, что Россия потеряла и что приобрела. Можно назвать этот труд – автобиографические заметки, смешанные с размышлениями. На очень умном языке, размышления называются реминисценции.

Первая примитивизация инженерного дела наступила во время слома эпохи царской России, сильного периода развития русской промышленности (1870-1930 гг) и соответственно больших потребностей страны в инженерных кадрах. И что сделали тогда с инженерным корпусом большевики!? К 1929 году, утверждают некоторые (А. Кулешов), инженеров в России не стало.

Но, в период индустриализации, большевики поняли, без специалистов никак. Тогда широко привлекались американские инженеры (1929-1935 гг). В то же время, дела врачей, главных инженеров-вредителей и выведение почти под корень всех крупных командиров, то есть военных специалистов накануне войны, – вне человеческой логики.

Как бы там не было в кровавой истории нашего народа, переменное могущество государства всегда было связано с инженерными и научными кадрами, наиболее важной для развития страны части технически образованного населения. Научными школами мирового уровня. Не мною сказано, одна из лучших в мире – русская геологическая отрасль в ее золотой полувек (1940-1990 гг).

Тогда экономика обслуживала целевые интересы, потребности страны и, следовательно, народа. Зададимся простым вопросом, кого сегодня обслуживает капитал? И на этот вопрос нет простых ответов. Даже в непопулярном в народе правительстве!

Справедливо кем-то замечено, новая технология вырастает из инженерной идеи. Во времена Иосифа Виссарионовича, могущество империи восстанавливалось, по А. И. Солженицину, из “шарашек”.

А сегодня. 27 лет новой России – буржуазно-феодальной, олигархической. И все распалось при нас и с моим участием. После распада, эффекта западного пылесоса и просто разграбления в научно-технической сфере стоит голый вопрос. А остались ли в России настоящие инженеры? Как в 1929 году.

Мы все знаем. В царской России творил Гарин-Михайловский: инженер-путеец. Он первым извлекается из моей памяти по изумительной трилогии: ““Детство Темы”, “Юность Темы”, “Отрочество Темы””. Вторым – многогранный Шухов В.Г., затем-Попов, Ползунов, Черепанов. Русские изобретатели: Можайский, Зворыкин, Яблочков и Лодыгин, Сикорский.

В “большевицкой” России: Цандлер, Королев, Туполев, Токарев, Калашников, да целая плеяда. Когда Отечество в опасности, из народа естественным отбором вдруг вырастают кадры-крылья. А власть старательно эти крылья укрепляет. Так было всегда.

И сейчас, в России пора объявлять об очередной опасности.

Замечено, лозунг: “любой каприз за ваши деньги” привел к тому, что уже сегодня нормального инженера, нормального проектировщика за пределами московского кольца редко встретишь.

Под нормальным инженером я понимаю инженера с научным уровнем знаний.

В период деиндустриализации экономики и глобального обвала сельского хозяйства целой страны, на смену нам приходят наши дети. Ладно, мы свое “отскакали”, но нашу молодежь власть старательно превращает в паталогических покупателей. Люди в русском государстве быстро становятся народом с психологией лавочников.

Открою Вам секрет. Страшная опасность случилось с нами – пришло зло Маммоны. У народа с психологией лавочников так устроено сознание, что на этой почве легко возвращается фашизм.

Я знаю. Инженерному поколению Next нужно понимание о необходимости технологического анализа, о понятии интуитивного анализа, о паталогической науке, о применении научных процедур. Хотя бы потому, чтобы ему не повторять ошибок в своей стране. Некоторые люди из этого поколения могут войти в управленческую элиту страны.

Не давать “угробить” радиотехническую и станкостроительную промышленности.

Не давать “разграбить” сырьевые запасы-концентраты легирующих металлов, накопленные предыдущими поколениями.

Не давать развалить национальную систему поисков и разведки месторождений полезных ископаемых.

Не раздроблять отрасли, имеющие стратегическое для народа и государства значение.

Не получать за нефть ширпотреб, вместо машиностроительной продукции.

Защищать геофизический сервис от захвата его иностранными компаниями (как в Америке и Китае).

Не давать компаниям и (или) Заказчикам покупать твои структурированные знания и компетенции за “бесценок”.

В конце концов, не держать свой диплом на полке после института. Что бы потом не было мучительно больно.... Перефразирую кратко: или ты гражданин и мужчина во взрослой жизни, или мудака?

С другой стороны, если ты гражданин и мужчина, в обществе неизбежно наступает противостояние. Мы с Вами умные люди, до этого не дойдем, но гражданское неповиновение окажем (игнорирование и интеграция, так сказал Заратустра из нашей группы геофизиков – Е. Зверев). Описываю только те события, в которых я был участником или инициатором. Если и где преувеличил, то для придания повествованию художественного смысла.

1

Горы далекие, горы туманные, горы

И умирающий, и увядающий снег

Если Вы знаете, где-то есть город, город

Если Вы помните, он не для всех, не для всех...

Для меня все начиналось в далеком марте 1973 года, когда группа молодых людей прибыла по окончании Новосибирского техникума (НГРТ) в Минск. Для распределения по Управлению Геологии (УГ) при Совете Министров БССР. Таких, “зеленых”, в смысле молодого десанта, нас было дюжина сибиряков.

Я не думал, что расстанусь навсегда с Геной Чирковым, Толей Киселевым, Володей Якушевым, Славой Сенчуриным, Костей Волковым, Юрой Рябовым, Витей Выдриным, Саней Сафоновым. Эти ребята – послеармейские, были мне в “технаре” старшими братьями. Они опекали меня – юнца, на их плечи я опирался два с половиной года.

Восемь сокурсников, Управление Геологии СМ БССР, направило в Полесскую геофизическую экспедицию (ПГЭ) г. Мозырь Гомельской области. Три человека, а с нашей 432-й группы, Гена Чирков и Рая Рыболовская, были направлены в ЦГЭ под Минском (пос. Колодищи).

В ПГЭ все парни были назначены помощниками операторов. Меня распределили в сейсмопартию, под управлением Анатолия Слизович.

Моим наставником стал оператор Толя Рыжик – выпускник Киевского геологоразведочного техникума, в тот год он был уже после армии. Наши девушки были назначены техниками

– вычислителями в полевые партии. Таня Гусева и Галя Куликовская с нашей 432 группы – и я, оказались в одной партии. Аня Белова и Ирма Франк были назначены в другие подразделения.

Географически место назначения называлось Белорусским Полесьем.

Кратко поясню, что тогда представляла собой одноотрядная сейсмопартия (СП). Это человек 60-70 народу. Все бригады моторизованы. Партия автономна и круглогодична. ИТР-крепкий, опытный, молодой и всякий.

Каждое утро инженерным костяком ведется планерка, назначение дневных заданий. Топограф, старший буровой мастер, старший взрывник, зав. взрывскладом, оператор, начальник отряда, старший геофизик-на нем трехступенчатый контроль ОТ и ТБ и первичная обработка сейсмограмм, подготовка их к машинной обработке.

Замначальника, завхоз по старому – вся хозяйственная часть на нем. Начальник партии – процедуры получения разрешений: на взрывсклад, на производство работ, на рации, на оперативное управление. Части переменного состава – только “косари” и водители. Все остальные профессиональные экспедиционные кадры, как у Куваева О. в “Территории”.

На первых порах, пока никого не знали – сибиряки держались вместе. Толя Рыжик вечерами сдавал в камеральную группу объемы работ в виде магнитных лент сейсмограмм и их визуализаций вместе с рапортом. Я ему помогал. На пару месяцев “завис” в сейсмоотряде. Прошел курс молодого “бойца”. Стал профессиональным “косарем”, с умением руками в ручную лихо 600 метров ГДРовского кабеля, в три-четыре приема, сматывать в бухты. Иногда был задействован в топоотряде у Константина Герасимович. Рабочих в отряд партия постепенно набрала и я, через два месяца, был по моему вежливому напоминанию возвращен к сеймостанции.

Анатолий Рыжик учил меня с завязанными глазами восстанавливать управление сеймостанцией – две спаренные СМП 24-МОВ-ОВ (порядка сотни различных тумблеров, переключателей, кнопок, положение коммутатора ОГТ надо было вернуть на прежнее рабочее место). С обязанностями освоился быстро, потому что им однажды было сказано: делай как я.

Спустя еще месяц постепенно он начал доверять управление станцией и, я получал сейсмограммы, вплоть до отстрела целой косы перед перемоткой. Под его присмотром конечно.

До сих пор помню команды, подаваемые по громкой связи и по радио: спокойно на профиле, работаем. Потом: приготовиться-внимание-огонь, с сопровождением звуковыми сигналами: один длинный, затем короткий и, отбой – два коротких.

Брак получал на первых порах регулярно. Сильно переживал.

Толя Рыжик говорит: не переживай и, давал команду станку возвратиться на перебуривание, а заряжающей бригаде на перезарядку. И на удивление быстро, брак у меня прошел. Так что, как почти “полугодовалый” помоператора я работал иногда по пол-дня, а то и день самостоятельно – если А. Рыжику нужно было по профилю походить, посетить места тайников на абрисах топографа.

На профиле всегда найдется, что поправить, приглядеть, помочь отряду потушить окурок или, организовать буксировку застрявших в болоте автомобилей. Особенность Полесской местности, на языке тектоники, Припятского авлакогена, торфяные болота. Если окурок попал в торф – беда, как ты его не заливай водой, кусок торфа плавает и дымит.

На месте чинили “косы” из-за оплавившейся изоляции.

Глядя на оператора, я старался делать как он. Такая в ходу была формула отношений.

Через годы, я проникся афоризмом Конфуция, о трех путях ведущих к знанию. Один из них – самый легкий путь: это путь подражания.

Повторю условие: для успеха воспитания профессионального инженера нужен Наставник и он у меня был.

Прошло почти полгода. Мне исполнилось 20 лет, и я освоился. Научился водить Газ-66: водители были местные – все молодые, дружелюбный веселый народ. Они же приняли в свою компанию: учили ловить раков, пить пиво со сметаной.

Читатель! Вы когда-нибудь пили пиво со сметаной. Что за бред, скажут некоторые. Но... У каждой нации, свои галлюцинации. Так сказал Хаим Соколин в “Серой зоне”. Я его подтверждаю.

Ни одного инцидента с местными, как это обычно бывает с чужаками. Может потому что, чистая русская речь отводила. Но и я не “чванился”, не выпячивал верхнюю губу, не дистанцировался от народа.

Вспоминаю случай на Ельском автовокзале, в одиночку жду автобус, в экспедицию уехать: часа три или четыре прошло. Лето, тепло. Примелькался.

Подходят: по повадкам, местная “братва” – внутренне насторожился, знаю, чем такие беседы заканчиваются: дракой и отбиранием денег. Поговорили: откуда-куда? Где работаешь, что здесь делаешь? – обычное прощупывание с еще непонятым ощущением: пронесет или нет. Уяснили, что из Сибири, русский – пригласили пиво попить дружелюбно, так все и закончилось на позитиве.

Замечу, не так это происходит с украинцами. У белорусов (у древлян к полянам) на генетическом уровне ненависть к “западцам”. И связана она с карательными действиями бандеровцев во время последней Отечественной войны. Правда, происходит это тогда, когда белорус выпьет и ему встретится “западенец”.

Деревня Скородное Ельского района, где стояла сейсморпация, была огромная. Масса молодежи.

По вечерам в клуб бегал-пел песни под гитару. Даже концерты небольшие устраивались с моей помощью. Начал дружить с местной девушкой. Мужчины, Вы знаете эти летние ночные проводы-прогулки и до утра?!

А тетка ее работала у нас поваром в столовой – грозила мне пальчиком и сурово говорила: смотри мол, нашу девушку опозоришь, оторвем кое-что. Я, и сам понимал, особую ситуацию, мне двадцать первый год: – у меня еще армия впереди, но было обоюдное чувство симпатии.

Сейчас же, просто знаю, в Белорусском Полесье (Ельский, Лельчицкий районы Гомельской области) встречается редкий женский тип славянок: девушки особенно красивые: льняные волосы, серые с голубизной глаза, идет такая грация, и вся без изъяна.

Поэтому, себе в жены позже, на пятом курсе, взял такую же белорусскую барышню. И не жалею.

Поляки – ляхи мне потом (когда я с семьей вернулся в Тартарию) говорили: у вас еще остался чистый тип настоящих славянок: на Севере у поморов, в Сибири, и я добавлял, – в Белорусском Полесье, то есть у них под боком. Соглашались.

Об этом хорошо написал наш знаменитый Куприн А. И. в повести “Олеся”.

Удалось побывать в одной деревне (практически хутор, окруженный болотами) Лельчицкого района, где всю войну по местной легенде не “видели” немцев.

И удалось побывать на укрепленной ДЗОТами линии старой русско-польской границы, которую проектировал мой земляк, наш национальный герой, генерал-лейтенант Карбышев Д.М. Толя Рыжик провел экскурсию по двухэтажным ДЗОТам.

На выходные дни полевая партия выезжала вахтовыми машинами организовано в экспедицию: – молодой народ по традиции “шмурдюк” набирал. Я выступал в роли “гармониста”: – всю дорогу пели песни под гитару. Почему – то запомнил всегда улыбающегося Ореста, нашего старшего геофизика. Тот почти всегда вел вахтовую машину с народом в экспедицию.

В экспедиционном поселке отдыхали 4 дня, так как схема работы была такова: 10-4-10-4. Не всегда совпадали выходные у разных партий, но, если совпадали, встречались с особой теплотой бывшие новосибирцы.

Наш быт, конечно, не был устроен. Статус у экспедиции был: полевая. Наши девушки, продолжали жить в вагончике. Поселок, только начинал застраиваться.

В мае месяце 1973 г на комиссии военком мне сказал – погуляй пока до осени.

И я морально готовился к тому, что меня “забреют”.

17 ноября 1973 г меня призвали в Красную армию. Перед армией, Толя Слизович (позже узнал, МГРИшник) “вник” в мое положение, и я слетал к родителям для проводов (самолетом через полстраны), вернулся обратно и экспедиционные земляки проводили меня до военкомата.

Толя Рыжик подарил на прощанье пряник с надписью: люби правду и старшину (я его долго потом хранил, чуть ли не год). Вышел из военкомата к своим на короткое время – подстриженный наголо. Как в эпилоге известной комедии, с такой растерянностью в глазах у наших девушек, которую я до этого никогда не видел и интонацией: уже обрили.

Целый поездной состав из Гомеля привез новобранцев в Москву.

А Полесскую геофизическую экспедицию я в армии вспоминал с теплотой, как экспедицию, выписавшую мне путевку в жизнь. Может быть потому, когда намного позже встал вопрос, куда распределяться после института, я долго не раздумывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.